
В.В. Мурашева

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГНЕЗДОВА

Данная статья посвящена двум аспектам источниковедения знаменитого гнездовского археологического комплекса — вопросам исторической топографии и хронологии памятника. Общие представления о структуре грандиозного гнездовского комплекса, в целом, сформировались уже к 30-м гг. XX в., была выявлена сложная структура как некрополя, состоящего из восьми групп курганов, так и поселения, составными частями которого являются два городища (Центральное и Ольшанское) и примыкающие к ним селища¹. К исходу XX в. актуальными оказались более частные вопросы — планировка центрального поселения, связь структуры поселения с ландшафтной ситуацией, реконструкция палеоландшафта как такового, как основы для решения вопросов зонирования поселения.

Новым импульсом этим направлениям исследований стало открытие в середине 1990-х гг. культурного слоя на пойменной части поселения, где благодаря перекрывающим его аллювиальным отложениям слой прекрасно сохранился, имеет достаточно внятную стратиграфию, не потревожен никакими позднейшими вмешательствами, что и обусловило его высокую информативную ценность². Итогом изучения древнего ландшафта и палеоклиматических условий функционирования древнего Гнездова стал целый ряд публикаций, в которых изложены основные итоги исследований³, показавших, что русло Днепра

¹Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Смоленские древности. Смоленск. 2002. Вып. 2. С. 185–209; Авдусин Д.А. Главы из монографии «Гнездово» // Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999. Ч. I. С. 7–11 (Труды ГИМ. Вып. 36).

²Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефёдов В.С. Новое в изучении центрального селища Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001. С. 12–27 (Труды ГИМ. Вып. 124).

³Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефёдов В.С. Палеорельеф высокой поймы Днепра

на протяжении последнего тысячелетия существенно изменило свое местоположение, сдвинувшись на юг. В X в. Днепр располагался гораздо ближе к Центральному Городищу, внутреннее озеро Бездонка соединялось с притоком Днепра Свинцом, а территория высокой поймы была сухой, покрытой лесом и пригодной для жизни.

Часть поселения, расположенная на пойменной части, ограниченной Днепром и его притоком рекой Свинец, имеет гораздо более высокую ландшафтную приуроченность в сравнении с остальными частями поселения, и в значительной степени ориентирована на речной путь. Исследования различных участков показали неоднородную структуру поселения, наличие различных зон: селитебных, производственных, а также участков, связанных с функционированием Гнездова как речного порта. На протяжении времени существования поселка характер использования территории мог меняться.

Центральная часть поселения на пойме, расположенная на гряде между внутренними озерами Камыши и Бездонка, получила условное название «*производственная зона*»⁴. Здесь, недалеко от берега оз. Камыши, на протяжении всего времени существования Гнездова, располагался комплекс кузнечно-ювелирных мастерских. Интересно отметить элементы наследования планировки. Типы горнов менялись с течением времени, гибель некоторых сооружений, возможно, была связана с катастрофическими событиями, однако, мастерская неоднократно возрождалась на том же самом месте. Подобное наследование планировки характерно для ремесленных зон средневековых городов⁵.

Ряд находок (кресаловидная подвеска, свинцовый «идол», фрагмент рубчатой проволоки и др.) и инструментов (свинцовые гирьки, два фрагмента глиняных литейных форм для отливки скандинавских украшений) финального этапа (вторая половина X в.) существования мастерской позволяет связать ее со скандинавской производственной традицией. Однако скандинавская составляющая не исчерпывает

на территории Гнездовского археологического комплекса // РА. 2005. № 1. С. 112–123; *Бронникова М.А., Успенская О.Н.* Позднеголоценовая эволюция растительности и ландшафта на территории Гнездовского археологического комплекса // Гнездово. Результаты комплексных исследований. СПб., 2007. С. 162–182; *Мурашева В.В., Панин А.В., Фетисов А.А.* 2009. Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнездовского археологического комплекса) // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (3). С. 132–147.

⁴*Мурашева В.В., Енисосова Н.В., Фетисов А.А.* Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. С. 31–77.

⁵См., например: *Халиков А.Х.* Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого Города. М., 1976. С. 64–74.

характеристику мастерской. Примечательными в контексте проблемы организации древнерусского ремесла являются находки редких инструментов: первоначальной модели для отливки ременных бляшек волжско-болгарского облика и матрицы для тиснения деталей серег «волынского» типа⁶. И наборные пояса, и серебряные сканно-зерненные серьги, входившие в состав первого убора древнерусской знати⁷, относятся к социально-значимым, престижным элементам костюма. Гнездовские находки еще раз свидетельствуют в пользу того, что в эпоху Средневековья существовали различные механизмы распространения «модных» изделий. Возможен был «импорт» не только готовых изделий, но и ремесленных традиций, носителями которых, вероятно, были странствующие ремесленники, существование которых в эпоху раннего Средневековья документировано материалами различных территорий⁸. Находка матрицы для тиснения серег волинского типа в гнездовской ювелирной мастерской позволяет пересмотреть устоявшееся со времен публикации работы Г.Ф. Корзухиной⁹ мнение о монополии юго-западной Руси на производство первого парадного сканно-зерненного убора знати, составной частью которого являлись серьги «волынского» типа. Становится очевидным, что тисненые украшения могли изготавливаться там, где на них был спрос, в частности на территории верхнего Поднепровья. Таким образом, гнездовскую элиту, основу которой составляли выходцы из Скандинавии¹⁰, обслуживали мастера-ювелиры самого разного происхождения, создавая пестрый набор деталей престижного костюма, состоявшего из элементов, различных по этнической окраске. Это нашло полное отражение, в частности, в составе клада 1993 г.¹¹, где сочетаются элементы сканно-зерненного убора, скандинавская литая подвеска и разделители ремней степного облика.

Кроме производственных сооружений, в центральной части пойменного сектора выявлены многочисленные хозяйственные сооруже-

⁶ *Мурашева В.В., Рузанова С.А.* Матрица для изготовления серег «волынского типа» из Гнездова // *Образы времени.* М., 2012. С. 128–137 (Труды ГИМ. Вып. 189).

⁷ *Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л. 1954. С. 22.

⁸ *Енисосова Н.В., Сарачева Т.Г.* Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // *Древности Евразии.* М., 1997. С. 302; *Енисосова Н.В., Нефедов В.С.* Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под Смоленском // *Археологический сборник.* М., 1999. С. 64–73 (Труды ГИМ. Вып. 111).

⁹ *Корзухина Г.Ф.* О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X–XII вв. // *КСИИМК.* М., 1946. Вып. XIII. С. 48–49.

¹⁰ *Жарнов Ю.Э.* Женские скандинавские погребения в Гнездове // *Смоленск и Гнездово.* М., 1991. С. 216–217.

¹¹ *Пушкина Т.А.* Новый Гнездовский клад // *ДГ.* 1994 г. М., 1996. С. 171–186.

ния, часть из которых удалось интерпретировать, как склады для хранения зерна¹². Сложнее дело обстоит с выявлением жилых построек — дело в том, что ни в одной из углубленных построек не обнаружено следов отопительных устройств. Многочисленные же каменные очаги возможно и относились к наземным постройкам, однако соотнести их с конкретными сооружениями не представляется возможным. Тем не менее, по аналогии с североевропейскими постройками, некоторые из углубленных сооружений можно интерпретировать как небольшие легкие сезонные жилища. Многочисленные постройки такого рода исследованы на поселении Лёдечёпинге (Швеция), где они считаются временными постройками, использовавшимися во время летнего ярмарочного сезона¹³.

Несмотря на небольшую исследованную площадь, удалось выявить свидетельства усадебной планировки — были зафиксированы две межевые канавки, относящиеся к самому раннему этапу освоения территории. На их месте впоследствии были возведены и неоднократно подновлялись мощные изгороди, расстояние между ними — около 13 м. Возможно, это свидетельство разделения земли на участки-парцеллы: подобная система планировки раннегородских центров хорошо известна по северо-европейским поселениям эпохи викингов, таким, как Риббе, Каупанг¹⁴, Дублин¹⁵ и др. На территории Восточной Европы наличие парцелл зафиксировано в Старой Ладоге¹⁶. Необходимо отметить, что элементы усадебной застройки прослежены и на роменских поселениях¹⁷, однако, на «классических» славянских памятниках межевые канавки не известны, что позволяет отнести гнездовскую систему землепользования к североевропейской градостроительной традиции. Вероятно, ювелирно-кузнечная мастерская на пойме располагалась в рамках одной из крупных усадеб. О состоятельности владельца свидетельствует состав находок, включающих предметы роскоши (фрагменты византийских амфор, тонкостенных стеклянных сосудов).

Устоявшееся представление о Гнездове, как о «ключевом пункте на пути «из варяг в греки» долгое время не получало конкретного

¹² *Мурашева В.В., Енисосова Н.В., Фетисов А.А.* Кузнечно-ювелирная мастерская. С. 46.

¹³ *Ohlsson T.* The Löddeköpinge Investigation I. The Settlement at Vikhögsvägen // *Meddelanden från Lunds universitets historiska museum 1975–1976*. Lund, 1976. P. 150–156.

¹⁴ *Kaupang in Skiringssal. Kaupang Excavation Series.* Aarhus University Press, 2007. Vol. 1. P. 192–194.

¹⁵ *Wallace P.F.* The Viking Age Buildings of Dublin. Dublin, 1992. Part 1–2.

¹⁶ *Кирпичников А.Н.* Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // *Викинг и славяне*. СПб. 1998. С. 43.

¹⁷ *Григорьев А.В.* Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула. 2005. С. 32.

археологического подтверждения. Возможности выявить зоны и комплексы, связанные с обслуживанием речного пути, появились после открытия культурного слоя на пойменной части поселения. Для организации «портового хозяйства» чрезвычайно благоприятна и гидрологическая ситуация: на территории поймы расположено два небольших внутренних озера, одно из которых — Бездонка лежит у подножия Центрального городища. Само расположение озера заставило предполагать, что оно могло быть использовано в качестве небольшой внутренней гавани. Вторым участком, перспективным для исследования в контексте организации портовой системы, безусловно, является древняя береговая линия Днепра. Исследования на обоих участках выявили разнообразные конструкции, которые могут быть связаны с функционированием Гнездова как речного порта, и показали, что «портовое хозяйство» имело сложную структуру и эволюционировало на всем протяжении существования данного раннегородского центра.

Причалы и другие раннесредневековые портовые сооружения варварской периферии Европы представляли собой достаточно примитивные сооружения. На ранних этапах зона причала могла не оформляться никакими дополнительными сооружениями. Самыми примитивными сооружениями были камни и столбы, которые использовались для швартовки судов¹⁸. Более сложным процессом было сооружение различных «твердей» — настилов для удобного подхода к воде через топкие участки¹⁹. Они могли быть использованы не только для подхода к воде, но и для вытаскивания судов.

Несложные конструкции, которые могут быть интерпретированы как «тверди» для подхода к воде выявлены как на северо-восточном берегу озера Бездонка («портовая зона»)²⁰, так и в районе «пляжной зоны» древнего русла Днепра («прибрежная», или «портопроизводственная зона»). Наиболее вытная система дощатых настилов была исследована в районе озера Бездонка. Можно с уверенностью говорить о нескольких уровнях «твердей». Самый поздний из них составлен многочисленными, плотно уложенными не крупными досками, которые подстилаются ковриками («циновками») из бересты, возможно служившими для гидроизоляции. Среди исследованных объектов обращает на себя внимание смолокурная яма. Смола могла

¹⁸ Elmers D. Von der Schiffslände zum Hafenbecken // Jahrbücher der Hafenbautechnischen Gesellschaft 40. 1983/84. S. 6; McGrail S. Early Landing Places // Conference on Waterfront Archaeology in North European Towns, Bergen 1983. Bergen, 1985. No. 2. P. 13. No. 2.

¹⁹ Christophersen A. The Waterfront and Beyond // Maritime Topography and the Medieval Town. Copenhagen, 1999. P. 164. Fig. 7.

²⁰ Мурашева В.В. В поисках гнездовского порта // ПА. 2007. № 1. С. 106–114.

использоваться в разнообразных целях, в том числе для обработки лодок и кораблей, расположение смолокуренного производства вблизи от причала представляется вполне обоснованным.

К наиболее раннему этапу освоения участка относится траншея, вытянутая в направлении от берега озера в сторону террасы. На бортах канавы были зафиксированы остатки деревянной обкладки из тонких бревен и жердей. Данное сооружение может быть интерпретировано как небольшой внутренний «волок» для вытягивания судов на сушу. В составе заполнения канавы была найдена корабельная деревянная уключина — знаковая находка, которую можно считать символом Гнездова, как речного порта. На верхний край уключины с лицевой и оборотной стороны нанесен резной узор в виде стилизованной, «лестничной» плетенки, указывающий на скандинавское происхождение корабельной детали. Необходимо отметить, что набор деревянных деталей, связанных с водным транспортом не ограничивается уключиной — на притеррасном участке поймы, где были найдены первые деревянные поделки гнездовской коллекции, был обнаружен шпангоут²¹ и два фрагмента гребных весел²².

Второй участок (*«прибрежная»*, или *«портово-производственная зона»*), который мог быть связан с приемом и обслуживанием прибывавших в Гнездово судов, расположен в прибрежной части, недалеко от древнего русла Днепра. Структура его оказалась более сложной. Несмотря на то, что в сухом слое прибрежного участка органические остатки не сохраняются, удалось проследить остатки «тверди» — следы обширного сгоревшего настила, доски которого были уложены перпендикулярно древнему руслу Днепра. Безусловным проявлением закономерности можно считать наличие здесь, также как и на берегу оз. Бездонка, смолокуренной ямы. Однако, кроме объектов, аналогичных зафиксированным на берегу озера, были выявлены остатки углубленных построек, структура которых и находки позволили предположить, что они могли использоваться как специальные прибрежные «склады», служившие для временного хранения товаров. В заполнении одного из таких объектов был найден развал амфоры «трапезундской» группы²³ — как известно, амфорная тара исполь-

²¹Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефедов В.С. Новое в изучении центрального селища. С. 23. Рис. 13.

²²Мурашева В.В., Авдусина С.А. Исследования притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. С. 11. Рис. 3–4.

²³Волков И.В. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2006. Вып. 20. С. 149–150.

зовалась исключительно для перевозок товаров водными путями. В структуру прибрежной зоны входил еще один необычный объект — искусственный холм, который сформировался вследствие последовательного сооружения на одном и том же месте больших каменных очагов, которые, судя по составу находок, использовались для кузнечной обработки железа. Сооружение каждого очага сопровождалось специальной подсыпкой так, что здесь со временем сформировался холм, возвышавшийся над днепровским берегом. Возможно, что расположенная здесь кузнечная мастерская была связана с обслуживанием судов, косвенным подтверждением чему является большая концентрация ладейных заклепок и их фрагментов.

Вероятно, торгово-хозяйственная деятельность близ уреза воды была сезонной, поскольку участок мог затапливаться паводками — некоторые стратиграфические горизонты разделены прослойками относительно стерильной негумусированной супеси, в бортах материковых ям прослеживаются следы последовательных «сезонных» затеков²⁴.

Таким образом, полевые исследования показывают, что на раннем этапе оз. Бездонка, расположенное на некотором отдалении от основной водной артерии, активно использовалось в качестве внутренней гавани. Судя по материалам раскопок, прибрежная портовая зона начинает функционировать несколько позже. Вероятно, оз. Бездонка уже не могло удовлетворить потребностей обслуживания Гнездова как речного порта, и центр «портовой активности» перемещается на берег Днепра, где выявлена сложная микротопография прибрежной зоны. Весьма примечательно, что на обоих исследованных участках были обнаружены ямы для возгонки смолы, необходимой при ремонте и сооружении судов.

«Слабым местом» в изучении Гнездова остается недостаточная разработанность вопросов хронологии. Исследования погребальных памятников (наиболее фундированные исследования принадлежат Ю.Э. Жарнову)²⁵ позволили выделить «ранний» и «поздний» этап функционирования могильника, однако, курганные древности предоставляют гораздо менее полноценный материал для хронологических построений, чем материал поселения.

²⁴ Мурашева В.В., Панин А.В., Фетисов А.А. Междисциплинарные исследования в археологии. С. 144.

²⁵ Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения. С. 200–225; *Он же*. Гнездовские курганы с остатками труположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998. С. 92–105.

Один из основных и до сих пор не решенных вопросов — время возникновения поселения. На территории поселения наиболее ранние объекты и слои выделяются по составу керамической коллекции — они не содержат фрагментов посуды, изготовленной с помощью гончарного круга. Отдельные слои и объекты (углубленные части сооружений), содержащие исключительно лепную керамику, выявлены как на Центральном городище, так и на территории открытого поселения — на западном селище и на пойменной части.

В центральной части пойменного сектора в заполнении двух синхронных ям неясного назначения²⁶, наряду с многочисленными фрагментами лепной керамики найдена редчайшая для лесной полосы Восточной Европы монета — фолис Василия I (867–886), отчеканенная в византийском Херсоне²⁷. И.В.Соколова относит подобные монеты к первому типу монет Василия I. Монеты этого типа выпускались очень непродолжительное время — с 867 по 869 г.²⁸ Большой соблазн датировать объект, в составе которого найдена монета эпохой князя Олега, однако в заполнении той же ямы обнаружен бронебойный, ланцетовидный наконечник стрелы. А.Ф.Медведев датирует такие наконечники X — началом XI в. Таким образом, несмотря на широкий диапазон датировки наконечника стрелы, отнести исследованный объект к последней четверти IX в. не представляется возможным. К тому же, в примыкающей к ней и синхронной яме была обнаружена монета Юстина I (518–527)²⁹, что безусловно свидетельствует о невозможности использования редких византийских монет для датировки объектов. Вторым участком пойменной части поселения, на котором зафиксированы ранние слои, является участок около оз. Бездонка (раскоп БД-1), однако здесь кроме лепной керамики обнаружено лишь две находки — деревянная уключина и напильник, ни одна из этих находок не дает возможности предложить узкую датировку ранней фазы поселения.

Таким образом, вопрос о времени возникновения поселка до сих пор остается открытым. Вопрос же имеет первостепенное значение в рамках проблемы соотношения письменных и археологических источников. Несмотря на то, что все исследователи признают условность

²⁶ Мурашева В.В., Енисова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская. С. 32.

²⁷ Определение В.В. Зайцева, отдел нумизматики ГИМ.

²⁸ Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсонеса. Л., 1983. С. 39–40.

²⁹ Мурашева В.В., Довгалою Н.П., Фетисов А.А. Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / Отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. СПб.; М., 2009. Т. I. С. 531.

ранних летописных дат, тем не менее, именно на эти даты (хотя и с оговорками) принято ориентироваться.

Получение даты ранних слоев Гнездова должно прояснить вопрос о том, мог ли князь Олег в 882 г. принять власть в городе Смоленске и посадить в нем своего мужа, или могли ли Аскольд и Дир, еще раньше, в 863 г. (по данным Устюжского летописного свода, в соответствии с которым Смоленск празднует в 2013 г. свое 1150-летие) увидеть «град велик и мног людьми». В случае, если древнейшие слои Гнездова будут датированы временем не ранее X в., мы получим весомый аргумент в пользу «перестройки древнейшей русской истории», активным сторонником которой является К. Цукерман. Опираясь на результаты анализа как письменных, так и археологических источников, К. Цукерман «переносит» время появления Рюрика на 890-е гг., а время правления Олега датирует периодом от первого десятилетия X в. до 941 г.³⁰ Представляется, что именно материалы Гнездова могут внести вклад в реконструкцию канвы событий древнейшего этапа русской истории. Учитывая размытость датировок, получаемых на основе анализа артефактов, единственная возможность получения точных дат — результаты дендрохронологического анализа. Поиск материалов для дендрохронологического анализа является одной из важнейших задач полевых археологических исследований Гнездова.

В целом, хорошо стратифицированный слой пойменной части поселения позволяет разделить археологические материалы на три хронологических пласта. Базой для такого деления, наряду со стратиграфическими наблюдениями, является анализ керамической коллекции. Датировки этапов основаны на бусинном материале. После начала промывки слоя на железных ситах бусы стали составлять более половины всех индивидуальных находок и превратились практически в массовый материал. Методика датирования, предложенная Я.В. Френкелем, основывается на распределении бус в слоях «эталонных» памятников (Ладога, Новгород, Рюриково городище). «Тактически» используется сочетание метода «узких дат» с приемом «хронологического зажимания» стратиграфически вычлняемых массивов и сооружений через интервалы совместного бытования бус, найденных в перекрывающих и подстилающих слоях³¹. В результате удалось предложить достаточно узкие даты для различных объектов и стратигра-

³⁰ *Zuckerman C.* Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. P., 2000. P. 95–120; *Цукерман К.* Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. СПб, 2007. С. 343–351.

³¹ *Френкель Я.В.* Опыт датирования пойменной части поселения на основании анализа стек-

фических горизонтов³², которые и использованы при делении истории Гнездова на хронологические этапы.

«Раннее Гнездово» — период существования поселения до появления керамики, изготовленной с помощью гончарного круга. Нижняя дата данного этапа, как уже было отмечено, до сих пор не ясна. На базе исследования погребальных памятников были сформулированы две основные точки зрения на время появления круговой керамики. В соответствии с точкой зрения Е.В. Каменецкой³³, это событие можно относить к концу первой четверти X в.; Ю.Э. Жарнов отодвигает появление круговой керамики в Гнездове ближе к середине X в.³⁴ Раскопки поселения внесли ясность в вопрос о времени начала использования гончарного круга в Гнездове. Самые ранние напластования центральной части пойменного сектора (раскоп П-8), датированы 930-ми гг.³⁵ и содержат круговую керамику, что подтверждает точку зрения Е.В. Каменецкой.

Ранний этап представлен археологическими материалами весьма скудно. Небольшие пятна слоя не дают возможности ответить на вопрос о том, кто в Гнездове «нача первее» жить. Наличие отдельных находок (лучевые височные кольца, височное кольцо «фативижского» типа) IX — рубежа IX–X вв., связанных с роменской культурой говорит как будто о существовании роменского поселения, однако, локализовать этот гипотетический поселок не представляется возможным, а все указанные находки происходят из слоев X в. В то же время из самых ранних напластований около оз. Бездонка происходит корабельная уключина скандинавского происхождения, свидетельствующая о наличии в Гнездове выходцев с севера уже на раннем этапе существования поселения.

«Среднее Гнездово» — ограничивается второй четвертью X в., доля круговой керамики в ранних объектах этого периода в центральной части пойменного поселения колеблется от 4 % до 22 %, в более поздних достигает 87 %. В прибрежной части доля круговой керамики составляет от 20 до 39 %. В этот период возводится вал Центрального Городища, начинается освоение береговой линии Днепра, здесь, как и

лянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. С. 79.

³² Там же. С. 108.

³³ Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977. С. 114–115.

³⁴ Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 131–132.

³⁵ Френкель Я.В. Опыт датирования. С. 108.

на берегу Бездонки, сооружаются «тверди» для подхода к воде. Финал этого этапа, вероятно, связан с катастрофическими событиями в истории Гнездова. В центральной части пойменного сектора производственные сооружения гибнут в пожаре, затем происходит нивелировка поверхности (разрушенные постройки засыпаются мощным слоем супеси), а затем происходит частичная перепланировка участка. Представляется, что в данном случае археологические материалы дают уникальную возможность реконструировать важные политические процессы, происходившие в Верхнем Поднепровье в середине X в.

На характер произошедших событий указывают заметные изменения в материальной культуре, прежде всего в керамическом материале — появляется высококачественная керамика столичного «среднеднепровского» облика. Немаловажны также и находки ременных накладок, относимых к «черниговскому» (т. е. среднеднепровскому) центру изготовления ременной гарнитуры³⁶ и пиррофиллитовых овручских пряслиц, полностью отсутствующих в нижележащих слоях. Другие материалы гнездовского археологического комплекса, прежде всего, распространение камерного обряда погребения, свидетельствуют об усилении «киевского влияния» после середины X в.³⁷ На возможный насильственный характер этих изменений указывает выпадение целой группы кладов в 950-х — начале 960-х гг.³⁸ Таким образом, археологические источники дают возможность предполагать, что в середине X в., происходит перелом в отношениях между Гнездовом и Киевом — вероятно, можно говорить об установлении прямой зависимости Гнездова от центральной киевской власти. Не исключено, что это связано с процессом установления погостов и даней княгиней Ольгой: жесткие методы Ольги в вопросах достижения цели хорошо известны по истории ее «мести» древлянам.

«Позднее Гнездово» соответствует периоду расцвета раннегородского центра и его гибели — это вторая половина X — начало XI в. Можно предположить, однако, что эпохе максимального процветания Гнездова и расширения территории поселения предшествует недолгий (?) период упадка. Следы катастрофических событий середины X в. читаются не только в центральной части пойменного сектора, где они «археологически» выражены в виде разрушения построек и

³⁶ Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000. С. 94.

³⁷ Нефедов В.С. Гнездовский археологический комплекс и путь «из варяг в греки» // Гнездово: история и современность. Смоленск, 1998. С. 41.

³⁸ Пушкина Т.А. Нумизматические материалы из раскопок Гнездова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 413.

последующей нивелировке поверхности, но и в прибрежной части. Свидетельством упадка является мощный (до 20 см) слой аллювия, отделяющий наслоения «среднего Гнездова» от «позднего» и указывающий на временное запустение прибрежной территории. Однако, уже первый из строительных горизонтов, перекрывающих «стерильную» прослойку речных отложений и содержащий «киевскую» керамику (1–1,5%), насыщен объектами, указывающими на прибрежную деятельность намного более разнообразную, чем в эпоху, предшествующую «периоду запустения». Вероятно, на берегу Днепра постепенно концентрируются мастерские, специализирующиеся на ремонте (или даже сооружении) речных судов.

Очевидно, что процесс включения Гнездова в новую структуру управления сопровождался переселением в район Верхнего Поднепровья части подконтрольной Киеву элиты, вместе с которой появились новые черты в погребальном обряде (камерные захоронения). Без специальных исследований трудно определить, была ли высококачественная «среднеднепровская» керамика предметом импорта или ее делали на месте гончары, приехавшие из Южной Руси. Однако можно сказать, что «киевский» импульс способствовал развитию местного гончарства и массовому появлению подражаний «столичной» посуде, отличавшейся лишь худшим качеством теста. После событий 950-х гг. наступает период максимального расцвета Гнездова, обусловленный, вероятно, активным включением его в бурный процесс, связанный со становлением и развитием Древнерусского государства, его военной и торговой активности. Вторая половина X в. — время наиболее интенсивного использования пути «из варяг в греки», что подтверждается значительным увеличением византийских импортов в составе культурного слоя поселения.

Общепризнанной датой конца существования «классического» Гнездова является начало XI в. (жизнь на территории памятника, в тех или иных формах не прекращалась вплоть до настоящего времени). Долгое время для определения поздней даты памятника служила находка в кургане Л-124 фландрского денария, чеканенного в г. Аррасе графом Болдуином IV (989–1036)³⁹. Однако, недавно, в результате нового обращения к материалам кургана была получена иная атрибуция монеты — она намного более ранняя и относится ко времени правления западно-каролингского короля и императора Карла Лысого

³⁹ *Авдусин Д.А.* Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 19; *Пушкина Т.А.* Нумизматические материалы. С. 415.

(875–877)⁴⁰. Существенную роль для определения времени «финала» Гнездова играет целая серия абсолютных дат, полученных с помощью радиоуглеродного и дендрохронологического анализа образцов дерева из слоя переувлажненного притеррасного участка поймы. Радиоуглеродный анализ дает значительный разброс дат: от I до XI в. н. э. Это может объясняться старичным происхождением низины, из песчаной засыпки которой взяты образцы, и не позволяет исключить возможность попадания в нее древесины в период, намного предшествующий Гнездову. Наиболее надежной представляется дата, полученная с помощью дендрохронологического анализа ствола дерева, имевшего наибольший из всех исследованных образцов возраст (134 года). Эта дата — 1002 г. подтверждается результатами радиоуглеродного анализа двух образцов, взятых из разных серий годовичных колец ствола этого дерева. Она позволяет датировать два вышележащих строительных горизонта временем не ранее начала XI в. Анализ материалов притеррасного участка полностью подтверждает тезис о существовании Гнездова как раннегородского центра в начале XI в. Можно констатировать, что характер и набор находок ничем принципиально не отличается от других материалов «классического» Гнездова. Очевидно, сохраняется и полиэтничный состав населения.

Археологические источники не дают ответа на вопрос о том, почему и при каких обстоятельствах огромный — по масштабам X в. — город прекратил свое существование; однако, ряд признаков указывает на насильственный, катастрофический характер этого события. Во-первых, финальный горизонт содержит значительные включения угля (даже с учетом размывания верхней части культурного слоя на пойменной части разливами Днепра). Правда, необходимо учесть, что деревянные постройки, даже добровольно покинутые их обитателями неизбежно обречены на гибель в пожаре. Во-вторых, верхняя кромка напластований гнездовского времени особенно насыщена находками, некоторые из которых, такие, например, как крест-реликварий, сложно представить случайными потерями. Эти обстоятельства косвенно указывают на то, что финал Гнездова вряд ли был мирным.

⁴⁰ *Пушкина Т.А., Стукалова Т.Ю.* Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнездова // *От Палеолита до Средневековья*. М., 2011. С. 96–100.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин Д.А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнездово. М., 1999.

Авдусин Д.А. Главы из монографии «Гнездово» // Гнездовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999. Ч. I. С. 7–11 (Труды ГИМ. Вып. 36).

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефёдов В.С. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнездовского археологического комплекса // РА. 2005. № 1. С. 112–123.

Бронникова М.А., Успенская О.Н. Позднеголоценовая эволюция растительности и ландшафта на территории Гнездовского археологического комплекса // Гнездово. Результаты комплексных исследований. СПб., 2007.

Волков И.В. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 2006. Вып. 20.

Григорьев А.В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. Тула, 2005.

Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // Древности Евразии. М., 1997.

Ениосова Н.В., Нефедов В.С. Погребение странствующего ювелира X в. близ д. Лопино под Смоленском // Археологический сборник. М., 1999 (Труды ГИМ. Вып. 111).

Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово. М., 1991.

Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992.

Жарнов Ю.Э. Гнездовские курганы с остатками труположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.

Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977.

Кирпичников А.Н. Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // Викинги и славяне. СПб., 1998.

Корзухина Г.Ф. О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X–XII вв. // КСИИМК. 1946. Вып. XIII.

Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.

Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Смоленские древности. Смоленск, 2002. Вып. 2.

Ляпушкин И.И. Отчет о работе Днепровской археологической экспедиции Института археологии (Ленинградское отделение) АН СССР. Архив ИА РАН. 1967. 3501, 3501а.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. Л., 1966.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.

Мурашева В.В. В поисках гнездовского порта // РА. 2007. № 1.

Мурашева В.В., Авдусина С.А. Исследования притеррасного участка пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Мурашева В.В., Ениосова Н.В., Фетисов А.А. Кузнечно-ювелирная мастерская пойменной части Гнездовского поселения // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Мурашева В.В., Довгалюк Н.П., Фетисов А.А. Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения // Краугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / Отв. ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. СПб.; М., 2009. Т. I.

Мурашева В.В., Панин А.В., Фетисов А.А. Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнездовского археологического комплекса) // Средние века. М., 2009. Вып. 70 (3).

Мурашева В.В., Рузанова С.А. Матрица для изготовления серег «волынского типа» из Гнездова // Образы времени. М., 2012. С. 128–137 (Труды ГИМ. Вып. 189).

Нефедов В.С. Гнездовский археологический комплекс и путь «из варяг в греки» // Гнездово: история и современность. Смоленск, 1998.

Пушкина Т.А. Новый Гнездовский клад // ДГ. 1994 г. М., 1996.

Пушкина Т.А. Нумизматические материалы из раскопок Гнездова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.

Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефедов В.С. Новое в изучении центрального селища Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001. С. 12–27 (Труды ГИМ. Вып. 124).

Пушкина Т.А., Стукалова Т.Ю. Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнездова // От Палеолита до Средневековья. М., 2011.

Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсонеса. Л., 1983.

Френкель Я.В. Опыт датирования пойменной части поселения на основании анализа стеклянных и каменных бус (по материалам раско-

пок 1999–2003 гг.) // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника. СПб., 2007.

Халиков А.Х. Усадьба ремесленников-металлургов // Исследования Великого Города. М., 1976.

Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. СПб., 2007.

Christophersen A. The Waterfront and Beyond // Maritime Topography and the Medieval Town. Copenhagen, 1999.

Elmers D. Von der Schiffslände zum Hafenbecken // Jahrbücher der Hafenbautechnischen Gesellschaft 40. 1983/84. S. 6.

Kaupang in Skiringssal. Kaupang Excavation Series. Aarhus University Press. 2007. Vol. 1.

McGrail S. Early Landing Places // Conference on Waterfront Archaeology in North European Towns, Bergen 1983. Bergen, 1985. No. 2. P. 13. No. 2.

Ohlsson T. The Löddeköpinge Investigation I. The Settlement at Vikhögsvägen // Meddellanden från Lunds universitets historiska museum 1975–1976. Lund, 1976.

Wallace P.F. The Viking Age Buildings of Dublin. Dublin. 1992. Part 1–2.

Zuckerman C. Deux étapes de la formation de l'ancien État russe // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. P., 2000.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена проблемам источниковедения знаменитого гнездовского археологического комплекса: вопросам хронологии и исторической топографии центрального поселения (по материалам исследования пойменного сектора). В результате полевых исследований 1999–2011 гг. на пойменной части посада древнего Гнездова, аналогичной киевскому Подолу, удалось выявить зоны различного характера использования («производственную», «портовую», «прибрежная»). Наличие межевых канавок, относящихся к древнейшим напластованиям, позволяет предположить изначальное деление территории на участки-парцеллы, что находит аналогии в планировке северных раннегородских центров эпохи викингов.

Хорошо стратифицированный культурный слой поселения позволяет разделить историю раннегородского центра на три этапа: «раннее», «среднее» и «позднее» Гнездово. Вехой, отделяющей раннюю

стадию от средней, является начало использования гончарного круга. Рубежом между средней и поздней фазами являются, вероятно, важные политические события, результатом которых явилось подчинение Гнездова (древнего Смоленска) центральной киевской власти, что нашло отражение в материальной культуре.

Ключевые слова: эпоха образования Древнерусского государства, гнездовский археологический комплекс, проблемы топографии и хронологии.

ABSTRACT

The article deals with the problems of Gnezdovo — famous archaeological complex: questions of history and historical topography of the central settlement (based on studies of floodplain sector). As a result of field studies in 1999–2011 it became possible to identify areas of different patterns of use (“production”, “port”, “coastal”) on the floodplain of the ancient tenements Gnezdovo similar to Podol in Kiev. The presence of landmark grooves belonging to the oldest strata suggests the original division of territory into sections (parcels), which is similar to the layout of early northern urban centers of the Viking Age.

Well-stratified cultural layer of the settlement can divide the history of the early urban center in three phases: “early”, “medium” and “late” Gnezdovo. A landmark that separates the early stage of the medium phase, is the beginning of the use of potter’s wheel. Boundary between the middle and late phases is probably important political events that resulted in the subordination of Gnezdovo (the ancient Smolensk) to the central government in Kiev, which is reflected in material culture.

Key words: state formation, Gnezdovo archaeological complex, topography and chronology.